

Джованни Боккаччо

Амето

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Джованни Боккаччо

Амето / Джованни Боккаччо – М.: Книга по Требованию, 2011. – 138 с.

ISBN 978-5-4241-2700-7

«Амето» — нестандартное произведение, находящееся на стыке многих жанров: прозы и поэзии, рассказа и повести, пасторали и аллегии, психологического романа и апокалипсиса, христианской проповеди и языческой апологетики. Примерно треть его написана стихами, примерно половину его занимают рассказы нимф. Начавшись как пастораль, «Амето» завершается апокалипсисом, а все описанные в нём события оказываются глубоко аллегоричны. Тонкий и ненавязчивый синкретизм античного язычества с христианским богословием не превращают роман в исключительно теологический трактат, будучи сконцентрирован вокруг описания процесса психологического, эмоционального и эстетического развития главного героя, постепенно превращающегося из бессловесного дикаря в поэта эпохи Возрождения. В «Амето» Боккаччо удалось не только выйти за узкие границы жанровых определений, но и органично слить их воедино, взяв от каждого жанра только то, что было нужно для создания сложной структуры «Амето».

ISBN 978-5-4241-2700-7

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Джованни Боккаччо
Амето
Комедия флорентийских нимф

Здесь начинается комедия флорентийских нимф

I

Разнообразные события, необычайные превратности жизни, изменчивые милости фортуны постоянно вносят тревогу и томление в души живущих: оттого-то одним отрадны рассказы о кровопролитных битвах, другим – о честолюбивых победах, третьим – о мудром заключении мира, а четвертым – о любовных делах. Одни – таких много – с охотой слушают о тяготах и бедствиях Кира, Персея¹, Креза² и прочих; ведь если знаешь, что не тебе первому и единственному пришлось худо, легче сносишь собственные невзгоды. Другие, удачливые в стяжании благ, горделиво тешат ум рассказами о великих подвигах Ксеркса³, богатствах Дария⁴, щедрости Александра⁵, счастливом возвышении Цезаря и, точно для того, чтобы потом рухнуть с большей высоты, постоянно устремляют помыслы к высокому, избегая смиренного. А третьи, раненные двоевидным сыном Венеры, обретают утешение или отраду в любовных историях древности – в который раз с вожделирующим сердцем похищают Елену, разжигают любовью Дидону, оплакивают Гипсипилу и замышляют обмануть Медею.

Но павший не подымется, найдя товарищей по несчастью; время, как ни медли, не остановится; взнесенный фортуной не удержит своего счастья, цепляясь памятью за чужое; и только читая о прошлой любви, с тем большей охотой разжигаясь новой любовью: вот почему я, с должным почтением служа Амуру, и никому более, воедино собрал здесь разрозненные усилия, в надежде, что, обдумав мой труд, никто не станет хулить восхваляемого мною. Сострадательный сын Цитерей⁶, в ее водах закаляющий стрелы, извлекает из жаркой груди людей вздохи иные, нежели Рамнузия⁷: те вздохи вызваны злополучной долей, эти надеждой на желанную радость; те свидетельствуют о постылой холодности, эти о любовном жаре. Амур – наставник и учитель жизни, он изгоняет из сердец легкомыслие, низость, жестокость и алчность и бдительно заботится о том, чтобы его подданные были деятельны, великодушны, щедры и украшены любезностью; всех, кто служит ему верой и правдой, он приводит к радостному концу, осияв лучами своей звезды, и вознесенные им не боятся крушений.

Много похвал сведя воедино, скажем, что силой его удерживается в движении небо, его вечным законом направляются звезды, а в живущих укрепляется воля к добрым делам. О любви с охотой слушал бы Крез в огне, Кир в крови, Кодр⁸ в бедности, а Эдип в вечном мраке⁹. И Марс, внимая любовным историям, сложил бы оружие или, если надо, пустил в ход с большим рвением; Паллада и та, слушая о проделках Амура, порой так смягчается душою, что прерывает излюбленные занятия; и мощная Минерва укрощается, слушая о любви; и холодная Диана теплеет, и Аполлон пламеннее шлет стрелы. Что же еще? Сагиры, нимфы, дриады, наяды и прочие полубоги, служа Амуру, обретают благообразие, – словом, его дела всем по душе. Найдется ли здравый умом человек, который ради иной заботы откажется служить под началом такого вождя? Нет, конечно, а если найдется, то уж, верно, это буду не я. А раз я ему служу, как я и делаю в угоду своей душе ради дамы, прекраснее коей не создала ни мудрая природа, ни изощреннейшее искусство, то мне пристало воспеть не триумфы Марса, и не разнузданность Вакха, и не изобилие Цереры, а победы моего властелина. Ими полнится земля и небо; счесть их труднее, чем звезды или морской песок.

Поэтому голосом, подобающим моему скромному состоянию, не боясь упреков, не как поэт, но как влюбленный, воспую я свою даму. И, обойдя молчаньем то время – как будто его не бывало, – когда Любовь, может быть несправедливо, казалась мне мученьем, – чтобы одарить надеждой тех, кому она мученье теперь, и возрадовать тех, кто счастливо владеет сим благом, – я на свой лад расскажу о сокровищах, какие мне, недостойному, были явлены на земле. И да внемлют мне любящие, до прочих мне нет дела, пусть предаются своим заботам.

II

Орфея встарь подвигнувшая сила
сойти за Эвридикою в Аид
желанную подругу возвратила
тому, кто улестил угрюмый Дит
своей кифары сладостным звучаньем;
святая сила мне теперь велит,
исполнившись и дерзостью и тщаньем,
твой, Цитерея, восхвалить завет
и твой чертог прославить величаньем.
Во имя Неба, где среди планет
сияешь ты, прекраснее стократно,
чем та, которой Феб¹⁰ дарует свет;
и ради Марса, чья беда понятна,
и бедного Энея, и того,
кто всех тебе милее¹¹, вероятно, —
от Мирры получила ты его;
и в честь огня святого, чей служитель,
пою причину пыла моего,
когда твоя счастливая обитель
за Солнцем, где живет могучий бык,¹²
Европы легковерной похититель,
ты позаботься, чтобы я постиг
с достойной силой сил твоих истоки,
и сообразный чувству дай язык,
который бы достигнул подоплеки
и описал божественность твою,
дающую столь дивные уроки.
Еще Эроту славу воздаю
и стрелы золотые и победу
над Аполлоном радостно пою;
прошу его, счастливца-непоседу,
я ради нимф (но вряд ли хоть одна
такому приглянулась сердцееду
или в любовный список внесена),
молю его и ночью я и денно
в моем убавить сердце пламена
от пылких стрел – иначе непременно
зажженный ими сладостный недуг
меня дотла испепелит мгновенно.
Пусть уж лучше повествует дух,
не побежденный страхом и свободный,
то, чем пленились и глаза и слух.
А ты, что красотой благородной
нежна, ясна, прелестна и славна,

благая донна, светоч путеводный,
кому душа верна и предана
настолько, что не мыслит о награде
и счастьем среди мук упоена,
моли богов – твоих молений ради
все ниспослать готовы небеса;
но ты проси не о земной усладе,
а чтобы тот, кому твоя краса
огнем неуголимым сердце гложет,
твои сумел восславить чудеса.
Ужели кто из олимпийцев может
божественной такой не внять мольбе?
Любой бессмертный тотчас же предложит
среди бессмертных место и тебе,
и ты тогда из горнего чертога
ко мне склонись и призови к себе;
хоть значу я не очень-то и много,
но без тебя мне и надежды нет;
пребудь со мной, опора и подмога,
подай мне благодетельный совет,
а я, руководим твоим указом,
прославлюсь между тем на целый свет.
Ты видишь – пламенеет пылкий разум
и ждет поддержки, к прочим божествам
он равнодушен, раб твоим приказам;
и, уподобив дивным волшебствам,
я помощь ту почту небесным даром
и силу страсти передам словам;
и докажу, что скаречно недаром
Юпитер прочих красотой дарил,
глаза твои переполняя жаром,
и расточителен в щедротах был,
тебя даря прелестным окруженьем,
которое я, недостойный, зрил,
меж тем как птицы дивным песнопеньем
с цветущих лавров оглашали луг,
и был изящен речью и движеньем
тебе во всем сопутствующий круг,
вкушающий беспечности щедроты,
в делах любви исполненный заслуг;
и вот я жду благой твоей заботы,
чтоб крепче сладилась строка к строке,
а слогу моему прости просчеты —
пишу таким, какой мне по руке,
себе ища твоей хвалы сердечной,
тебе – хвалы на всяком языке
во славе неземной и вековечной.

Ш

В Италии, затмевающей блеском дольные страны, лежит область Этрурия, ее средоточие и украшение, а в ней – богатой городами, славной благородными племенами, повсюду украшенной замками и нарядными селеньями, обильной тучными нивами – в срединной и счастливейшей части ее благословенного лона к самым звездам вознесся плодородный холм, древними прозванный Коритом¹³ еще до того, как взошел на него Атлант¹⁴, первый его житель. Склоны холма меж высоких круч густо поросли лесом из буков, елей, дубов, простирающимся до самой вершины. Справа от него бежит по камням светлый ручей, рожденный в благодатных недрах соседних гор, говором струй оживляющий долину, куда прибыв, после недолгого бега теряется он вместе с названием в водах Сарно. В лесных рощах по склонам Корита таятся отрадные поляны, – прохладные тени и рыщут хищные, быстрые, свирепые звери; многоводные ключи в разных местах орошают свежие травы. Там скитался молодой охотник Амето, навещаая фавнов и дриад, обитателей чащ; сам, должно быть, происходя от древних жителей окрестных холмов, как бы памятуя о кровном родстве, он оказывал почести лесным божествам; за то и они дарили его покровительством, когда, одержимый охотничьим пылом, он преследовал в дебрях пугливых зверей, пока Аполлон пребывал высоко над землей. Редко случалось так, чтобы примеченный им зверь – благодаря ли быстроте погони или хитроумным уловкам – не был ранен его луком или достигнут собаками либо, изнемогший, не попал в засаду или не запутался в тенетах; оттого всякий раз Амето являлся к жилищу, отягощенный добычей. Однажды, преуспев больше обычного в излюбленной забаве, радостный, со всех сторон обвешанный дичью, он возвращался со сворой домой и, сбегав по склону холма, очутился в приятной долине, близ того места, где пересекаются струи Муньоне; здесь, истомленный долгим путем, тяжелой ношей и гнетущим зноем, он сложил под раскидистым дубом богатый трофей, простерся всем телом на молодой траве и подставил загрубелую грудь мягким дуновениям ветерка; с лица отер грязный пот жесткой ладонью, пересохшие губы увлажнил росистой зеленой листвою и, вновь обретя бодрость, стал подраивать собак, то одну, то другую, и с ними кататься по лужайке; потом вскочил на ноги и, перебегая с места на место, принялся таскать их которую за загривок, которую за хвост, которую за лапы; тотчас резвая свора вцепилась в него со всех сторон и не раз повергала в гнев, вырывая ключья небогатой одежды; потом затеял новую потеху: то повалит собак навзничь, то им даст себя повалить. И так в забаве проводил он время – а жар все не спадал, – когда до его слуха донесся с ближнего берега прелестный голос, певший неведомую песнь. Немало тому подивившись, он подумал:

«Не боги ли это сошли на землю, сегодня как раз тому были предвестья, но я им не поверил: рощи больше обычного полны были дичью, Феб жарче изливал на землю лучи, ветерок скорее прогонял истому, травы и цветы казались пышнее, возвещаая их приближенье. Должно быть, разомлев от зноя, они, как и я, избрали поблизости место для небесных услад, звуком голоса посрамляя земные. Как бы мне хотелось взглянуть на них, узнать, так ли они прекрасны, как говорят люди. Пойду взгляну, каковы они, пусть солнечные лучи направят меня; а если у них

нет дичи, я умилившись их, щедро поделившись своей, лишь бы они ее не отвергли».

Насилу утихомирив собак, одних лаской, других грозным взглядом, окриком и дубиной, он склонил голову к левому плечу, напрягая слух, постоял, послушал и вернулся к собакам; соединив их сворой, ремнями привязал к соседнему дубу; взял в руки суковатый посох, на котором, по обыкновению, носил за плечом добычу, облегчая себе тяжелую ношу, и направил стопы в ту сторону, откуда донесся сладостный голос; устремив перед собой взгляд, еще прежде, чем светлые воды ручья, он увидел толпу юных дев на пестреющем берегу, под сенью приятных кустов, меж цветами и высокой травой; из них одни бродили в ручье, обнажая ступни в мелких водах, другие, отложив охотничьи луки и стрелы, приклоняли к воде разгоряченные лица и умывались, погружая белоснежные руки в прохладные струи, третьи, позволяя ветерку проникать под одежды, сидели на траве, внимая самой радостной из подруг, чью песнь, прежде достигшую его слуха, тотчас узнал Амето. Только он их завидел, как, в уверенности, что перед ним богини, боязливо отступил и упал на колени, с перепугу не зная, что и сказать. Тут собаки, лежавшие подле нимф, вскочили, приняв его, верно, за зверя, и ринулись к нему с громким лаем. Схваченный ими Амето, видя, что бегством не спасешься, как мог, отбивался от их клыков, помогая себе руками, посохом, бранью, но свора, привыкшая к женственным звукам, от его голоса только пуще свирепела, донимая его, полуживого от страха; вспомнив об Актеоне, он уже ощупывал лоб, ища рога, и клял обуявшее его дерзостное желанье увидеть бессмертных богинь. Но тут нимфы, потревоженные в своих забавах яростным лаем, поднявшись, звонкими голосами уняли буйную свору и с ласковым смехом, разобрав, кто он такой, утешили и ободрили Амето; приветив его, они возвратились на прежнее место и продолжили песнь:

IV

Кефис¹⁵, текущий в Аонийском крае,
то прямо, то излучины плетя,
извивами приятными играя
и волны обольстительно катя,
с невиданным до сей поры уменьем
Лириопею¹⁶ совратил, шутя,
и так он воспылал к ней вождельнем,
что отнял девственность, мольбам не вняв,
и пренебрег ее сопротивленьем,
и породил меня; среди дубрав
ручьям я поклоняюсь и потокам
и чту в них средоточье отчих прав;
к тому же, наклонясь над водотоком,
своей красой люблюсь – всякий раз
себя увидя в зеркале глубоком;
и норовлю украситься подчас
травинками, веночками, цветами,
милей от милых становясь прикрас,
И, часто пребывая над водами,
я причащаюсь их былых услад
и проникаюсь давними страстями,
которым не последовал мой брат,¹⁷
прекрасный видом и стрелок успешный,
без жалости отвергнувший подряд
всех, кто пылал к нему любовью нежной,
пока однажды, заглянув в поток,
не увидал себя и, безутешный,
в цветок не превратился; на цветок
печально глядя, я вздохну порою
от жалости, хоть неуступчив рок.
И голос тот не властен надо мною,
губительный для брата моего
(он сам, безумец, этому виною).
И как отрадой было для него
погоню учинять лесной дичине,
не упустив из тварей никого —
вот так и я, но по другой причине,
не оставляю лука, стрел, сетей,
работу задавая им доньне.
Изобретаю множество затей,
лесных богов тревожу поневоле
среди заповедных круч и пропастей;
и – чем он пренебрег в земной юдоли —
любовь и жажда нравиться другим

мне по сердцу и нравятся тем боле.
И будет всяк лелеем и любим,
кто красотой моей в душе пленится
и сердце мной наполнит, – и таким
то самое сторицей подарится,
что любящему слаще всех услад,
когда огнем влеченье разгорится.
И многих удостоятся наград,
кто служит мне достойно и умело,
как послужили те, кого стократ
за верный труд я наградить сумела
и радостных им уделила прав,
сподобив высочайшего удела.
Отцову страсть за образец избрав,
от матери я приняла в именье
изящный облик и приятный нрав.
Мое искусство и мое уменье
мне дали имя Лия; мир вокруг —
красы моей достойное владенье.
И тот огонь – мой сладостный недуг, —
каким пылать не устает Кифера,¹⁸
и шумных празднеств нескончаем круг,
мною заведенных в честь твою, Венера.